

КОНЦЕПЦИЯ «МОСКВА — ТРЕТИЙ РИМ» В ГЕНЕЗИСЕ РУССКОЙ МЫСЛИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация

В статье представлен анализ развития концепции «Третий Рим» в XVI–XX вв. Автор утверждает, что смысловое наполнение формулы изменялось в зависимости от исторических условий и непосредственных идеологических установок Российского государства. Преимущественно религиозная идея монаха Филофея с течением времени стала ассоциироваться с империалистическими устремлениями России, что во многом связано с деятельностью философа Н.А. Бердяева, а также ряда других ученых конца XIX — начала XX в. Кроме того, в статье сделан вывод о перспективах политического воплощения концепции «Третий Рим» в современной России. Автор считает, что основным ограничением использования формулы в XXI в. является ее неотъемлемый религиозный характер.

Ключевые слова: «Москва — Третий Рим», религиозно-политический характер концепции, эволюция формулы «Третий Рим», монах Филофей, Н.А. Бердяев.

Автор

Беляков Глеб Сергеевич

Студент 3 курса бакалавриата
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

В настоящее время ввиду отсутствия официальной идеологии Российской Федерации, а следовательно, и осознанного пути развития страны наблюдается возврат к ее историческому наследию с целью поиска новых смыслов среди старых идей и установок. Все большую популярность приобретает концепция «Москва — Третий Рим», под которой часто понимается совокупность империалистических устремлений России, ее мессианской идеи, тесно переплетенной с религиозными мотивами. Однако реальное значение концепции видится несколько более сложным и неоднозначным.

Разные аспекты концепции были изучены историками XX–XXI вв. В качестве основных работ по теме мы можем отметить диссертацию исследовательницы Е.А. Бауэр «Идея «Москва — Тре-

тий Рим» в русской общественной мысли конца XV — начала XVII в.», статью А.С. Усачева «Об истории бытования идеи «Третьего Рима» в России XVI в.», в которой рассматривается распространение концепции в XVI в., и крупную монографию Н.В. Синицыной «Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)», в рамках которой исследовательница приводит наиболее подробный анализ «Филофеева цикла». Несмотря на весомый научный вклад, авторы оставили без должного внимания процесс эволюции формулы «Третий Рим», а также ее развитие в период с XIX до начала XX в., когда, по нашему мнению, концепция и приобретает свое «современное» смысловое наполнение. Таким образом, в данной статье мы ставим перед собой следующие цели: проанализировать ход развития концепции «Третий Рим»

в XVI–XX вв., а также сформулировать вывод о перспективах ее политическое воплощения в современной России.

Начало XVI в. — время складывания политических и религиозных установок дальнейшего развития Руси, воплощением которых стали произведения «Сказание о князьях владимирских» (вопросы государственности и власти царя, ведущего свою генеалогию от императора Августа) и так называемый «Филофеев цикл», где обосновывается лидерство России в православном мире, а также выстраивается идея ее становления в качестве Третьего Рима. Данные работы были созданы в условиях сложных взаимоотношений с католическим Западом, с одной стороны, и Константинополем, с другой. Так, «Филофеев цикл» становится логичным продолжением развивающейся антилатинской полемики.

Цикл состоит из трех произведений: послание монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея дьяку М.Г. Мисюрю Мунехину с опровержением астрологических предсказаний Николая Булева и с изложением концепции «Третьего Рима» (около 1523–1524 гг.), послание московскому великому князю Василию Ивановичу о «Третьем Риме», обязанностях правителя, обряде крестного знамения (между 1524–1526 гг.) и сочинение «Об обидах Церкви» (30-е — начало 40-х гг.). Принадлежность второй и третьей работы непосредственно авторству Филофея признается спорной (в частности, большинство историков склоняется к тому, что последний труд написан так называемым продолжателем монаха).

Разбирая первые произведения цикла, мы можем выделить следующие аспекты: антилатинский, эсхатологический и политический. Первоначальной целью послания дьяку М.Г. Мисюрю Мунехину стало опровержение астрологических предсказаний Николая Булева¹

о потопе 1524 г. (фактически перевод Альманаха астрологов И. Штефлера и Я. Пфлауме). Отметим, что деятельность Николая Булева укладывается в общую политику Рима по навязанию России собственных интересов: Ферреро-Флорентийская уния 1439 г., многочисленные посольства (в том числе миссии римского престола), попытки поставить на пост митрополита собственного кандидата. В работе Николая Булева прослеживается идея об объединении церквей и включении России в антитурецкую коалицию — подобные устремления не отвечали интересам Москвы. Многочисленные адресаты писем Булева обратились к уважаемым православным монахам для составления опровержений, и одним из таких монахов оказался Филофей.

Отбросив астрологические предсказания фразой «сия вся кошуны суть и басни» (что ярко характеризует работу как ответ на более глубокие, скрытые идеи, проводимые Николаем Булевым), Филофей сосредотачивается на полемике с точки зрения исторического и эсхатологического подхода, неизбежно входя тем самым в политическое поле, защищая самостоятельность России и ее независимость от католической Европы.

В религиозной литературе XV в. вполне устоялось мнение, что седьмое тысячелетие после основания мира должно стать последним (параллель с созданием мира за семь дней). На Русь эти идеи пришли из Византии и южнославянских государств. Конца света не произошло, но после «рокового» 1492 г. многие авторы по-прежнему обращаются к теме Апокалипсиса, утверждая, что случиться он может на протяжении всего седьмого тысячелетия. Именно данную тему затрагивает Николай Булев, предвещая потоп 1524 г.

¹ С 1484 г. Николай Булев длительное время пребывал в России, занимаясь переводом церковных и светских книг, был придворным врачом Василия III.

¹ Николай Булев — астролог, писатель, фактически «пропагандист» католической церкви.

В качестве контраргумента к данной идее Филофей говорит о длительном в исторической перспективе «последнем» царстве — «Третьем Риме», кончина которого не связана с конкретным годом в принципе. Таким образом, эсхатологический аспект концепции заключается в следующем: монах выдвигает альтернативную (едва ли не самому содержанию Библии) версию о дальнейшей судьбе человечества. Второе пришествие произойдет только после падения «Ромейского» христианского царства, которое после захвата Константинополя воплотилось в России. Но падение не случится никогда («ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать» [7]). Все прежние православные государства «сидошася» в России. Московский князь становится «браздодержателем святых Божиих престол» [7], его миссия — сохранить Церковь и способствовать преодолению греха на Русской земле.

Труд «Об обидах Церкви», созданный продолжателем Филофея, уводит доктрину в несколько иную сторону. Церковь здесь предстает в качестве Церкви всеобщей, а не исключительно (или преимущественно) русской. Глобальная цель России — сохранить и распространить православие. Продолжатель Филофея говорит о многочисленных грехах, поразивших Третий Рим. В труде «Об обидах Церкви» уже нет уверенного «а четвертому [Риму] не бывать», что наполняет концепцию иным, более пессимистическим содержанием. Согласимся со словами М.Б. Плюхановой: «Условием высоты является именно указанный антинормализм; чуть только исчезает идея греховности и непосредственности угрозы, это учение немедленно вырождается в простодушно патриотическую легенду — типа истории о новгородском белом клобуке» [6].

Таким образом, концепция «Третьего Рима» стала логичным ответом на запрос эпохи о необходимости обоснования независимости России от

католической церкви, с одной стороны, и от находящегося в глубоком кризисе Константинополя, с другой. Уже в полной мере складывается осознание исторической ответственности России как «последнего» христианского царства — сохранить православие и не погрязнуть в грехах. Сделаем вывод, что первоначальное значение концепции носило характер религиозно-политический и, несомненно, отразилось на последующем формировании идеологии Московской Руси, но ни о какой «имперской идее» речи на данном этапе идти не может.

Мы можем отметить несколько попыток использования формулы Филофея в период с XVI по XVII в. Во-первых, это включение идеи о России как Третьем Риме в Уложенную грамоту 1589 г. Патриарх Иеремия, приехавший в Москву, якобы сказал: «...твое же, о благочестивый царю, великое Росииское царствие, Третьей Рим, благочестием всех превзыде» [1. — С. 88]. Здесь мы сталкиваемся с хитрой политической игрой. Исследователь А.С. Усачев отмечает, что греческая сторона вовсе не причастна к составлению Уложенной грамоты, а слова, вложенные в уста патриарха, с большой вероятностью являются предметом творчества русских [8]. Таким образом, в Уложенной грамоте представлена попытка обоснования прав России на патриаршество посредством ее представления в качестве Третьего Рима, возглавившего православный мир.

Следующей попыткой официальной власти актуализировать формулу стала Годуновская Псалтырь (1589–1590). Именно в ней мы впервые наблюдаем добавление в концепцию слова *Москва*, что может говорить о желании подчеркнуть идеологическую важность столицы. Годуновская Псалтырь была распространена по монастырям, однако следующее использование несколько видоизмененной концепции старца Филофея датируется только 1653 г. — Кормчая книга. В ней, как от-

мечает Н.В. Синицына, уже нет резкой критики в отношении греков и Константинополя, что, в свою очередь, только усиливает уход от первоначальной формулы Филофея, в которой, как известно, Второй Рим представлен в качестве павшего царства [5. — С. 306]. Широкое распространение концепция не получила и на этот раз, что во многом связано с активным использованием концепции «Третий Рим» защитниками старой веры.

В старообрядческой эсхатологии «Третий Рим» приобретает символ величия дониконовской Руси, с падением которой уже ничего не мешало приходу Антихриста. В данном вопросе наиболее яркой фигурой является дьякон Федор Иванов; в работах «Послание ко всем православным об антихристе, о пророках Илье и Еносе и Иоанне Богослове», «Послание ответное к некоему другу о познании антихристовой прелести», «Послание к сыну Максиму» он активно развивал идеи продолжателя Филофея, предостерегавшего Третий Рим от грехопадения. Для дьякона Федора, жившего в XVII в., самое страшное уже произошло: Третий Рим стал «объектом приложения дьявольской воли» [5. — С. 313–317].

Таким образом, уже в XVI–XVII вв. концепция Филофея претерпела значительные изменения в смысловом отношении. Преимущественно религиозные взгляды Филофея, выраженные в формуле «Третий Рим», приобрели пессимистическую окраску в работе «О грехах Церкви»; концепция использовалась в политической борьбе за получения патриаршества в 1589 г., приобрела свою более известную форму «Москва — Третий Рим» в Годуновской Псалтыри и Кормчей, и в конце концов была воспринята деятелями старообрядчества, после чего на долгое время уходит из политического и религиозно-го дискурса.

Мы можем задаться вопросом: в какой момент формула «Москва — Третий Рим» стала ассоциироваться с

великодержавными устремлениями Российской империи? По нашему мнению, произошло это в XIX в. Впервые данное смысловое наполнение концепция получила в работе историка В.С. Иконникова «Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории» (1869). В.С. Иконников пишет: «...очевидное возращание Московского княжества и его политические успехи <...> не могли остаться без известного влияния на умы современников. В такое время в России сложилась теория о преемстве ею значения Византийской империи, и потому на нее стали переносить все предсказания о величии Рима и Византии. «Все христианские царства пали, — читаем в памятниках XVI в., — и сошлись по пророческим книгам в одно царство — т.е. русское; два Рима пало, а третий стоит — Москва, но четвертому не быть» [4. — С. 364]. В его работе концепция приобретает некоторое идеологическое звучание, представляется в качестве русского пути развития с элементами имперской идеи экспансионизма. Подобные идеи звучали и в работах Владимира Соловьева, сокрушающегося о падении Третьего Рима в известном стихотворении «Панмонголизм», а также в трудах историка И.А. Кириллова, тем не менее широкую огласку данному подходу придал крупнейший русский философ XX в. Н.А. Бердяев.

Его отношение к концепции «Москва — Третий Рим» носило весьма спорный характер. С одной стороны, философ признавал ее некоторым «идеалом» развития России, предметом устремлений русского народа, с другой, считал искаженным вариантом действительной русской идеи. Данное противоречие, на наш взгляд, является ключевым в понимании концепции «Москва — Третий Рим» как идеологии в целом. Для его решения обратимся к работам философа, в частности произведениям «Русская идея» и «Истоки и смысл русского коммунизма».

Особый русский путь, по мнению Бердяева, нашел свое отражение в концепции монаха Филофея «Москва — Третий Рим». Россия, как утверждает мыслитель, является носителем и хранительницей истинного христианства — православия. В его сохранении, следовании христианской морали и состоит ее главная миссия. «После народа еврейского, русскому народу наиболее свойственна мессианская идея, она проходит через всю русскую историю вплоть до коммунизма» [3. — С. 12]. Падение Византии и остальных православных держав сделало Россию единственной хранительницей истинной религии. Здесь проявляется двойственность концепции. Православие подверглось жесткой национализации, сделавшись в конечном счете «русской» верой. Соответственно, Россия в глазах народа приобретает исключительное значение: русский царь — это царь над царями, московские князья ведут свой род от самого Августа и получают царские регалии из Византии, а русский народ, безусловно, избран самим Богом.

Бердяев замечает, что в сложившихся условиях трудно было избежать империалистического соблазна, он становится неотъемлемой частью мессианской идеи, тем самым извращая ее. «Мессианско-эсхатологический элемент у инока Филофея ослабляется заботой об осуществлении земного царства» [3. — С. 13]. Это и есть основная ошибка, повлекшая за собой духовный провал концепции. Фактически сам Филофей заложил в формулу элемент, извративший действительную русскую идею. Этот элемент — забота о земном царстве, развившаяся до степени этатизма, невыносимого для Бердяева. Церковь была подчинена государству, «кесарево» стало преобладать над «Божьим», проявилось рабье понимание христианства, Московское царство стало тоталитарным, в нем развилась «духота», в нем было менее всего святых. Концепция «Москва — Третий Рим» стала государственной

идеологией, способствовала росту могущества Москвы, но вместе с тем была искажена христианская миссия русского народа — то же произошло с Первым Римом и со Вторым и стало причиной их падения. Идея империализма не ушла из политического дискурса России даже в XX в., воплотившись в Третьем Интернационале — тоже священном царстве, также основанном на ортодоксальной вере (в коммунизм, который, как и православие, был «национализирован» Россией) [2. — С. 117–118].

Мы можем утверждать, что Бердяев — действительный создатель идеологии «Москва — Третий Рим» в ее «современном» значении. Труд «Русская идея» философа стал своеобразной методичкой для анализа России иностранцами, а его понимание концепции «Москва — Третий Рим» окончательно укрепило за ней статус этатистской и империалистической. Интересно, что взгляды самого Бердяева относительно истинной русской идеи имеют ряд пересечений с мыслями Филофея и особенно его продолжателя, создавшего труд «Об обидах Церкви», однако это тема для отдельного исследования.

Таким образом, мы можем сделать следующий вывод: смысловое наполнение концепции «Третий Рим» менялось в зависимости от исторических условий и непосредственных идеологических установок Российского государства. Для Филофея это религиозная идея, в которой Россия представляется последним православным царством, оберегающим мир от прихода Антихриста. Монах ведет ожесточенную полемику с католическими авторами, пытающимися провести линию объединения церковью и навязывания Руси западных интересов. Продолжатель Филофея предостерегает последнее православное царство от грехопадения, он, в отличие от монаха, уже не уверен в нерушимости Третьего Рима. В XVI–XVII вв. концепция «Третьего Рима»

использовалась официальной властью для подтверждения прав России на патриаршество в Уложенной грамоте 1589 г., в Годуновской Псалтыри мы видим попытку придать концепции статус официальной идеологии, причем уже в варианте «Москва — Третий Рим», похожая позиция прослеживается и в Кормчей 1653 г. В конце концов формула была воспринята идеологами старообрядчества, после чего на долгое время пропала из русской мысли, чтобы уже в XIX — начале XX вв. быть возрожденной в качестве синонима империали-

стических устремлений России в трудах Н.А. Бердяева. Но насколько актуальна концепция в XXI в.? Теперь, когда мы выяснили, что формула «Третий Рим» претерпела несколько принципиальных изменений, данный вопрос звучит некорректно, так как требуется уточнение, о каком именно варианте идет речь. Однако во всех интерпретациях формулы «Третий Рим» есть одна общая черта, которая может стать главным препятствием для воплощения идеи в светской России XXI в., — религиозный характер концепции.

Литература

1. *Богданов А.П.* Русские патриархи (1589–1700): в 2 т. — Т. 1. — М.: ТЕРРА; Республика, 1999. — 495 с.
2. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990. — 224 с.
3. *Бердяев Н.А.* Русская идея. — М.: Азбука-Аттикус, 2015. — 320 с.
4. *Иконников В.С.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. — Киев: Унив. тип., 1869. — 576 с. [В авторской редакции].
5. *Синицына Н.В.* Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.) // Ин-т российской истории РАН. Международный семинар «Da Roma alla Terza Roma». — М.: Индрик, 1998. — 416 с.
6. *Плюханова М.Б.* Проповедь на Торжество Православия и сочинение «Об обидах церкви»: к вопросу об экклезиологических основах учения о Третьем Риме // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. — Т. 2. — СПб., 2011. — С. 549–564.
7. Послания старца Филофея [Электронный ресурс] // Электронная библиотека ИРЛИ РАН. — URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105> (дата обращения 09.10.2020).
8. *Усачев А.С.* Об истории бытования идеи «Третьего Рима» в России XVI в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. — М., 2015. — С. 9–17.